

**С. ШИРОКОГОРОВ: У ИСТОКОВ
БИСОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭТНОСА**

Работа С. Широкогорова "Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений" написана в самом начале 20-х годов минувшего столетия, рекомендована к печати постановлением восточного факультета Дальневосточного университета 5 сентября 1922 г., опубликована же в виде монографии в 1923 г. в Шанхае (обозначена как отдельный оттиск из "Известий восточного факультета Государственного дальневосточного университета") (Широкогород 1923). Континуум мнений относительно этого теоретического исследования чрезвычайно широк, а суждения о нем весьма противоречивы.

Одни исследователи полагают, что «концепция этого автора по своей сути должна быть, наверное, включена в рамки так называемой "биологической" (или "естественнонаучной") парадигмы этноса», хотя и констатируют при этом тот факт, что "сама дефиниция (этноса. – В.Ф.) и по форме, и по содержанию своему очень похожа на последующие определения этнической общности, предложенные нашими учеными в 1960–1980-х гг." (Рыбаков 2001: 24). Другие отмечают концептуальный дуализм рассматриваемой теории, замечают, что социологическое понимание этноса у С. Широкогорова "удивительным образом сочетается с причислением этой общности к биологическим" (Бромлей 1973: 22, 26; 1983: 10, 20), и говорят о "социобиологическом понимании этноса" в работах С. Широкогорова (Кокишаров б.г.), о том, что "термин биологический в концепции С. Широкогорова очень неоднозначен... и устойчивый стереотип восприятия... замечательного исследователя касается только одной, и даже не самой важной стороны его концепции" (Кузнецов 2001: 5–9). Третьи и вовсе не принимают обвинений в биологизаторстве в адрес С. Широкогорова и настаивают на том, что "такое впечатление может создаться только при поверхностном чтении трудов С. Широкогорова" (Ревуненкова, Решетов 2003: 109), утверждают даже, что "С. Широкогород... считал, что этнос – не биологическое понятие..." (Лавров б.г.). Такой калейдоскоп суждений может свидетельствовать только о неоднозначности и противоречивости рассматриваемой концепции.

Причисление рассматриваемой концептуализации этнических феноменов к числу социобиологических не представляется нам беспочвенным. Вместе с тем именно биологические интерпретации выглядят в теории С. Широкогорова наименее продуманными и наиболее уязвимыми для критики.

С одной стороны, С. Широкогород считал, что "этнология есть наука об этносе, как форме, в которой развивалось и живет человечество", что "этнология, как и биология, открывает законы жизни человека, как вида..." (Широкогород 1923: 33). Этнос рассматривается им как "форма, в которой происходит процесс создания, развития и смерти элементов, дающих возможность человечеству, как виду, существовать" (Там же: 28). (Здесь справедливо говорится о человеке как биологическом виде, но вместе с тем присутствует голословное, ничем не подтвержденное утверждение о том, что "этнос" представляет собой форму существования этого вида.) По мнению С. Широкогорова, в основе жизни каждого этноса лежат "причины чисто биологического свойства", и, "по сравнению с другими видами животных, человечество существует и приспособляется в борьбе за существование... при помощи своих особенно развитых умственных способностей". Он уверен в том, что, "с биологической точки зрения, ум человека – есть то

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук, заведующий сектором этнической регионалистики Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН.

же самое, что для тигра его мускулатура, зубы и когти... и, таким образом, этнографические явления нужно рассматривать как функцию биологическую" (Там же).

С другой стороны, в предисловии к книге С. Широкогорова утверждает иное: "Рассматривая этнос как вид, я не мог обойти молчанием этот вопрос в более широкой постановке..." (Там же: 6). Или ниже: "Каждый этнос приспосабливается к окружающей этнической среде, как он умеет. Поэтому любая форма существования для него... приемлема, если она обеспечивает ему существование, – или его жизни как вида" (Там же: 100).

Так что же все-таки соответствует биологическому виду в теории С. Широкогорова: этнос или человек (человечество)? Налицо странная терминологическая небрежность, отнюдь не свидетельствующая о ясности в понимании изучаемого феномена. Сравним умственные способности человека с зубами тигра, автор считает это совершенно достаточным для утверждения, согласно которому этнографические явления нужно рассматривать как функцию биологическую. Но какие явления считать "этнографическими" и на каком основании "этнографические явления" следует считать "биологической функцией"?

Для того чтобы понять, как отвечал на эти вопросы сам С. Широкогоров, необходимо вспомнить его определение этноса.

Итак, по мнению С. Широкогорова, "этнос – есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп" (Там же: 13). Содержательно и методологически это определение "этноса" обнаруживает чрезвычайное сходство с теми определениями этого феномена, которые мы встречаем в более поздних трудах советских этнографов.

Насколько правомерно утверждать, что именно это определение этноса лежит в основе наиболее известных и разделяемых советской этнографической наукой позднейших определений? Ведь хорошо известно, что многие годы для советских этнографов методологическим основанием для интерпретации этнических феноменов служили труды И. Сталина, давшего, в свою очередь, собственное определение "нации", которая, с его точки зрения, есть не что иное, как "исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры" (Сталин 1954: 296). В данном контексте для нас не принципиально, что И. Сталин не употребляет термина "этнос" и отвергает признание категории нации категорией этнографической. Для нас в данном случае важно, что советские этнографы интерпретировали сталинское определение нации как определение стадильной формы этнической общности и экстраполировали названные признаки нации на этнос вообще. (Напомню, что намного позже И. Сталин, полемизируя с Н. Марром, в статье "Марксизм и вопросы языкознания" опишет эволюцию языков, их "развитие" от "родовых" к "племенным", к "языкам народностей" и, наконец, к "национальным языкам". Каждая стадия в развитии языков в его понимании жестко соответствовала той или иной общественно-экономической формации (Сталин 1997: 104–138). Сразу после выхода в свет упомянутой работы И. Сталина С. Токарев и Н. Чебоксаров опубликовали статью "Методология этногенетических исследований на материалах этнографии в свете работ И. Сталина по вопросам языкознания" (Токарев, Чебоксаров 1951), в которой речь шла уже не о стадиях развития языков, а о стадильности в развитии этнических общностей (род, племя, народность, народ, нация) и о соответствии этих стадий стадиям развития общества.

В дальнейшем определении этноса не поражали воображение читателя своим разнообразием. С. Токарев определил этническую общность как "общность людей, которая основана на одном или нескольких из следующих видов социальных связей: общности происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии (если последняя сохраняется)" (Токарев 1964: 43).

Вслед за своими предшественниками, В. Козлов объявил, что "основными признаками этнической общности являются *этническое самосознание и самоназвание, язык, территория, особенности психического склада, культуры и быта, определенная форма социально-территориальной организации* или стремление к созданию такой организации" (Козлов 1969: 56). И, наконец, Ю. Бромлей предложил свое, ставшее почти на два десятилетия каноническим, определение интересующего нас феномена: "Этнос может быть определен как *исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)*" (Бромлей 1983: 58).

При некоторой разнице формулировок речь, по сути, идет об одном: этнос – это объективно существующая общность людей (группа людей, совокупность людей), обладающая некоторыми объективными и субъективными признаками (их набор также, по большей части, совпадает). В контексте нашей темы не очень существенно, чей труд – И. Сталина или С. Широкогорова – оказал на концептуализацию "этноса" в советской и постсоветской этнографии (этнологии) решающее воздействие. В данном случае важно обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, все названные выше определения этноса методологически ущербны и не позволяют раскрыть сущность данного феномена. Перечисление "объективных" признаков в определении этноса было результатом того, что под "этносом" понималась совокупность различных социальных общностей со своими, имманентными для этих общностей, признаками. Именно поэтому вычленивать собственный, имманентный именно для "этноса" признак не смог ни один исследователь. В качестве такового назывался субъективный признак – "этническое самосознание", но и в этом случае сохранялся отмеченный А. Элезом "порочный круг" в определении понятия: "этнос" нельзя определить, не определив "этническое самосознание", а "этническое самосознание" нельзя определить, не определив "этнос" (Элез 2001: 9, 230–231). Как констатировал С. Чешко, «все перечисленные атрибуты этноса представляют собой самостоятельные социальные явления. "Сложить" же их и получить в результате "этническое" явление не получится» (Чешко 1994: 38). В этом состоит суть неудач всех (и прежде всего С. Широкогорова) примордиалистских интерпретаций "этноса" и "этнического самосознания". (Отметим в скобках, что столь же непродуктивными оказались и попытки конструктивистского истолкования "этничности" и "этнической идентичности". Но это – сюжет для отдельной статьи.)

Во-вторых, несмотря на заявленное понимание этноса как *биологического вида*, в определении этого феномена С. Широкогором называется исключительно *социальные характеристики* интересующей его общности. В этом контексте особенно сложно понять, какис явления следует считать "этнографическими" и почему их нужно считать "биологической функцией".

Понять это сложно еще и потому, что, предложив свое определение этноса, С. Широкогором лишь отчасти использует его тогда, когда речь заходит о принципах этнической диагностики, или классификации "этносов". Обратимся к тексту.

"Что же служит основой классификации этносов? Основую классификации служат: во-первых, *признаки антропологические* или соматические, то есть особенности строения тела – скелета и мягких частей – и окраска, признаки, бессознательно признаваемые самим этносом; во-вторых, *признаки этнографические*, т.е. комплексы обычаев и вообще уклад жизни и, наконец, в-третьих, *признаки лингвистические*, т.е. язык этноса" (Широкогором 1923: 36). Как мы видим, среди оснований классификации названы как биологические, так и социальные критерии.

С. Широкогором отмечает, что "при более детальном изучении отдельных этносов и наций, хотя бы, например, французов, оказалось, что они являются смесью *нескольких*

антропологических типов... Еще большую растерянность можно видеть в анализе антропологических материалов, относящихся к русским" (Там же: 39). Но, как ни странно, это не приводит его к заключению о некорректности попыток классификации этносов посредством выявления антропологических признаков. (Очевидно, что если один и тот же признак представлен в различных группах, а внутри каждой группы этот признак представлен лишь у некоторой *части* ее членов, то этот признак не может быть основанием для выделения группы.) Напротив, автор в данном случае выделяет по каким-то ему одному ведомым принципам группу (этнос, нацию), а затем устанавливает, какие антропологические типы в ней представлены. Более того, в учете распространенности тех или иных антропологических типов, представленных в "этносе", он видит способ выяснения генезиса группы. "Можно предположить, что несколько основных рас дали ряд производных, запутав прежние простые отношения, но не препятствуя несколько существованию этносов... Смысл установления расовой принадлежности теперь начинает приобретать... значение метода исторического, устанавливающего происхождение этносов..." (Там же).

Вторым способом "различения и установления общности этносов" С. Широкогоров "считает классификацию по языкам, классификацию лингвистическую". Поэтому, полагает он, "первый вопрос, который задает себе исследователь, таков: *на каком языке говорит данный народ?* Установления одного этого факта иногда бывает достаточно для определения культурного места этноса" (Там же: 40–41). Стоит обратить внимание на эту фразу. По признанию С. Широкогорова, ученый, приступая к изучению некоторой совокупности людей, не пытается идентифицировать в человеческом множестве "этнос" по его "признаку" – языку, а, напротив, уже зная, что он имеет дело с "народом", "этносом", посредством знания о его языке определяет "культурное место" народа. Место *где?* Вероятно, в существующей языковой классификации. Если бы язык был "признаком" этноса, то, напротив, именно он позволял бы установить место данной общности в искомой этнической классификации. Но таковой просто не существует.

Понимая, что практически все языки содержат в себе массу лексических и фонетических заимствований, С. Широкогоров и сам признавал, что "лингвистическая классификация, в смысле генезиса этносов, является далеко не всегда надежным методом" (Там же: 42).

Третьим способом классификации этносов является, по мнению С. Широкогорова, классификация этнографическая. Здесь он предлагает "различить два метода: во-первых, классификация по *культурным циклам*, объединяющим этносы единою культурою, в разной или одинаковой мере воспринятой ими, и, во-вторых, *классификация по степени культурности*" (Там же: 43).

Прежде всего бросается в глаза то, что "этнографическая классификация" на самом деле представляет собой попытку культурной классификации. Но этнос и культура – отнюдь не одно и то же. Этничность (этнографичность) культуры вовсе не представляется бесспорной. Определяя объект этнографии, сам С. Широкогоров пишет: "Имея объектом наблюдения этнос, этнография изучает все *проявления умственной и психической деятельности человека*, т.е. 1) его *материальную культуру*, т.е. всю сумму его знания в области строительного искусства, одежды, питания и т.д.; 2) его социальную культуру, т.е. организацию общества, – государства, – и его органов, как семья, род и т. под.; 3) его духовную культуру, т.е. религию, науку, философию и эстетические искусства" (Там же: 15). Обратим внимание – культуру *человека*, а не пресловутого "этноса"! И не *этничность*, а *культуру*! Тогда почему – *этнография*, а не *культурология*? Не *культурная антропология*? Почему априорно подразумевается, что человечество разделено на "этносы", а культура приписана к последним? Почему речь идет не просто о *культурном* многообразии человечества, а о многообразии "этносов"?

Далее. Согласно приведенной цитате, некие "культурные циклы" могут объединять "этносы" единою культурой. Но если культура едина пусть даже для нескольких этно-

сов, то как на основе данного признака (критерия) можно идентифицировать *отдельные этносы*?

Оценивая в целом выделенные им самим способы классификации "этносов", С. Широкогоров приходит к пессимистическому выводу: "Попытки соединить классификацию антропологическую и лингвистическую, лингвистическую и этнографическую дали весьма несовершенные результаты... Классификации с антропологической, лингвистической и этнографической точек зрения до настоящего времени еще не дали возможность построить согласованную схему. Быть может, ввиду неустойчивости всех признаков и легкой заимственности их, этого и невозможно сделать вообще... Классификации, которые мы имеем, имеют значение провизорных классификаций, рабочих гипотез" (Там же: 46). Как это ни странно, но эти абсолютно справедливые заключения не приводят автора к мысли о принципиальной несостоятельности попыток вычленения этноса по тому или иному набору неэтнических по своей сути признаков.

Важное место в биосоциальных конструкциях С. Широкогорова отведено проблеме взаимодействия территории, ландшафта, культуры и этноса. Размышления о причинах вдруг просыпающейся "мощи" этносов приводят его к такому выводу: "Если же данная территория при данной культуре может прокормить данный этнос, то без изменения культуры он не может увеличивать свой состав" (Там же: 84). Примечательно, что территория по мнению автора, кормит "этнос", а не людей, проживающих на данной территории. Как бы то ни было, трудно вообразить себе ойкумену, расчлененную на отдельные территории, которые, в свою очередь, гомогенно заселены "чистыми этносами". Очевидно, что почти на любой территории проживают носители самых разных культурных ("этнических") идентичностей с различными культурами природопользования ("культурой жизнеобеспечения").

Следует отдать должное С. Широкогорову: в ряде случаев он пишет о населении территории (например, "чем интенсивнее используется территория, тем больше населения она может прокормить..." (Там же: 86)). Однако тогда, когда из этого абсолютно справедливого заключения он пытается вывести коэффициент этнического равновесия, он вновь возвращается к категории *этноса*. В силу этого предложенные С. Широкогоровым мудреные формулы исчисления искомого коэффициента могут вызвать только улыбку. Кроме того, в формуле, например, фигурирует такой показатель, как "культурность этноса". Даже если допустить недопустимую мысль о возможности идентифицировать специфическую социальную общность "этнос", то пытаться выразить количественно степень его культурности – занятие и вовсе праздное, ибо нет способов применения метрических систем к феномену культуры. Нет объективного основания для квантификации феномена культуры, а значит, предложенная процедура нереализуема. В силу этого обстоятельства попытки автора предложить формулу измерения "импульса изменения культуры" не заслуживают специальной критики. Вульгарно-эволюционистская по своей сути мысль о возможности ранжировать культуры приоткрывает дверь расизму.

Впрочем, С. Широкогоров и не скрывает своих взглядов и вполне откровенно пишет о "связи некоторых психических и умственных качеств с антропологическими типами" как о "несомненной" (Там же: 87–88). И даже более того – именно в выявлении такого рода связи он видит главную цель этнологии как науки наук: "Рассматривая этнографию и выводы ее с такой точки зрения, мы подходим к установлению связи между физическими свойствами человека, т.е. антропологией, и его умственной и психической жизнью, что дается нам, с одной стороны, этнографией, а с другой стороны, языкознанием. Это и есть наука, венчающая знание о человеке, – *этнология*" (Там же: 28–29).

Различая таким образом этнологию и этнографию и пытаясь дифференцировать этнографию как науку об "этносе", С. Широкогоров начинает с рассуждения о проявлениях "человеческой культуры", но, так и не объяснив вразумительно, что же из этой культуры является предметом этнографии, вводит новое понятие – "культура этноса".

Вместо того, чтобы дать сущностное определение этого феномена, он ограничивается тем, что, во-первых, указывает на его историческую динамику и, во-вторых, перечисляет совокупность элементов, его составляющих. *"Культура этноса слагается из явлений и элементов, имеющих по времени различное происхождение и значение, причем некоторые из них уже мертвы, другие умирают, третьи находятся в состоянии расцвета и четвертые только что народились..."* Культура каждого этноса или группы этносов состоит из сложного комплекса технических знаний, общественных институтов, суммы знаний научных и эстетических и религии" (Там же: 21). Но из этого объяснения не ясно, что делает данные элементы культуры "культурой этноса". Стоит обратить внимание в этом контексте на то, что в определении появляется дополнение "...или (культура. – В.Ф.) группы этносов". С. Широкогоров вынужден сделать это дополнение, понимая, что тот или иной феномен культуры невозможно жестко "приписать" к тому или иному "этносу". При ближайшем рассмотрении все они выглядят более или менее универсальными. Но тогда что же служит доказательством их этничности?

Существование специфической социальной общности ("этноса") доказывается указанием на совокупность культурных признаков, отличающих ее от всех прочих. Но оказывается, что эти же признаки присущи и иным "этносам", по крайней мере – входящим в "группу". Но тогда что дает основание для дифференциации "этносов" внутри "группы этносов"?

Интересен и вывод нашего автора из выявленной им взаимосвязи культуры, территории и количества населения: «уменьшение территории и утеря культурности при сохранении прежнего количества населения дает право заключить об *"этническом росте этноса"* или, в противном случае, об *"этническом вырождении этноса"*» (Там же: 87–88). Умозаключения эти понятны в той же мере, что и, допустим, тезис о морковном росте моркови или бухгалтерском вырождении бухгалтерии. Впрочем, это не совсем так: что такое морковь и что такое бухгалтерия, мы знаем наверняка...

Еще одну возможность сопоставления "этносов" в контексте развития их культуры С. Широкогоров видит в изучении количественных характеристик этого феномена. Он полагает, что "этносы могут быть сравнимы, будучи приведены к одной шкале, и именно, количеству населения" (Там же: 98). Прежде всего неясно, количеству населения чего? Этноса? Отнесем это к небрежности формулировки и будем считать, что автор имел в виду *численность* "этноса". Но как определить последнюю, исходя из качественных признаков этого феномена, предложенных автором? Очевидно, что в этом гипотетическом сообществе число людей, субъективно осознающих "общность происхождения", будет одним, а число людей, сходных по "укладу жизни и обычаев", – другим, и, наконец, число людей, знающих и использующих данный язык, – третьим. Вряд ли это нуждается в специальном обосновании. Какую же численность считать численностью "этноса"? При отсутствии специфического признака группы подсчитать ее численность невозможно, а значит, не стоит специально останавливаться на громоздких формулах "междуэтнической валентности этноса" (Там же: 98–99), предложенных С. Широкогоровым.

Наконец, отметим, что отличительной чертой теории этноса, предложенной С. Широкогоровым, является онтологизация этого призрачного социального феномена. В его теоретических конструкциях "каждый этнос во имя своего существования стремится к сохранению равновесия, которое иногда достигается слабым развитием одних элементов за счет сильно развитых других" (Там же: 22–23). Автор этих строк приписывает "этносу" способность осознания своего коллективного бытия, наличие коллективного разума, призванного регулировать те или иные "элементы" своей структуры, подразумевая наличие единой воли и устремлений этой специфической общности. Но даже если и признать, вслед за С. Широкогоровым, само существование "этноса", то нужно согласиться, по крайней мере, с тем, что он не может быть однородным и будет состоять из самых разных классовых, социально-профессиональных, статусных, половозрастных и

прочих групп, которые по определению не могут обладать единым целеполаганием, едиными интересами, единым видением желаемого "равновесия элементов".

Даже достаточно беглое рассмотрение основных концептов теории этноса С. Широкогорова свидетельствует о том, что в этой теории перемешались биологические и социальные интерпретации, естественно-научные и социологические подходы к определению сути этого априорно вычленяемого биосоциального явления. Но ни те, ни другие не позволили корректно определить понятие. Предложенная С. Широкогоровым дефиниция этноса основана на перечислении социальных характеристик этой общности, а взаимодействие "этноса" с ландшафтом, его ("этноса") особенная система жизнеобеспечения, взаимодействие между различными "этнотами" и пр. – всё это трактуется как проявление биологической природы этой специфической общности.

Как уже было сказано выше, то, что относится к попыткам биологических трактовок "этноса" и "этнических" феноменов, выглядит самым слабым, противоречивым и неубедительным в работе С. Широкогорова. Позднее именно эти интерпретации позволили отлучить его труд от "советской теории этноса" и придать последней видимость концептуальной новизны. Но, как это ни странно, именно эти биологизаторские конструкции оказались имплицитно востребованы полвека спустя в известной работе другого известного автора, который в свою очередь претендовал на создание собственной всеобъемлющей и самодостаточной этнологической теории.

Биосоциальная концепция "этноса", разработанная Л. Гумилевым и традиционно воспринимаемая как интеллектуальная оппозиция "теории этноса" Ю. Бромлея, обнаруживает чрезвычайно заметное сходство со многими концептуальными построениями С. Широкогорова. (Отметим, что такое же, если не большее, сходство с теоретическими положениями С. Широкогорова обнаруживает и теория самого Ю. Бромлея, однако последний воспринял концепцию первого в другой ее части, а именно в интерпретациях этноса как общности *социальной* по своей сути.)

На сходство теоретических воззрений С. Широкогорова и Л. Гумилева обратили внимание многие авторы. Е. Ревуненкова и А. Решетов отмечают "в высказываниях Л. Гумилева не просто удивительные совпадения, но почти дословные выражения критикуемого им С. Широкогорова" (Ревуненкова, Решетов 2003: 109). Е. Данченко продемонстрировал преемственность взглядов этих ученых и пришел к выводу, что "С. Широкогоров был предтечей Л. Гумилева в области теории этноса" (Данченко 1997: 72–74; 2000: 13–16). В. Кокшаров полагает, что "Л. Гумилев продолжил развитие идей, сформулированных в начале XX века С. Широкогоровым" (Кокшаров б.г.). А. Элез указывает, что из С. Широкогорова «можно вывести не только "теорию" Л.Н. Гумилева со всем ее терминологическим блеском и понятийной нищетой, но и весь содержательно небогатый спектр последующих этнологических мудрствований» (Элез 2001: 198).

Действительно, интерпретация С. Широкогоровым "этноса" как биологического явления, его положения, согласно которым это явление представляет собой то "процесс", то "систему" социальных и природных единиц, его идеи о связи "этноса" с территорией и ландшафтом, – всё это мы находим и в работах Л. Гумилева. Рассуждение С. Широкогорова о биологической "силе и мощности этносов" легко прочтываются в откровениях Л. Гумилева о "пассионарности этносов". Прямые аналогии с теорией С. Широкогорова вызывает тезис Л. Гумилева о четырех фазах развития этноса, о том, что "импульсы изменений" первого обнаруживают себя в "кривой этногенеза" второго и т.д.

Однако теории Л. Гумилева будет посвящена другая статья.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-01-02087а).

Литература

- Бромлей* 1973 – *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973.
Бромлей 1983 – *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
Данченко 1997 – *Данченко Е.М.* О сходстве взглядов С.М. Широкогорова и Л.Н. Гумилева на природу этноса // Гуманитарное знание. Омск, 1997.
Данченко 2000 – *Данченко Е.М.* О вкладе С.М. Широкогорова в разработку теории этноса // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2000.
Козлов 1969 – *Козлов В.И.* Динамика численности народов: методология исследования и основные факторы. М., 1969.
Кокшаров б.г. – *Кокшаров Н.В.* Этничность. Этнос. Нация. Национализм // *Credo New* (<http://credo-new.narod.ru>).
Кузнецов 2001 – *Кузнецов А.М.* Сергей Михайлович Широкогоров – обретенное достояние российской антропологии // Широкогоровские чтения: Матер. науч. конф. Владивосток, 2001.
Лавров б.г. – *Лавров С.Б.* Свет и тени теории этногенеза // *Gumilevica* (<http://www.gumilevica.kulichki.net>)
Ревуненкова, Решетов 2003 – *Ревуненкова Е.В., Решетов А.М.* Сергей Михайлович Широкогоров // *Этнограф. обозрение* (далее – ЭО). 2003. № 3.
Рыбаков 2001 – *Рыбаков С.Е.* Философия этноса. М., 2001.
Сталин 1954 – *Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // *Сталин И.В.* Соч. Т. 2. М., 1954.
Сталин 1997 – *Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания // *Сталин И.В.* Соч. Т. 16. М., 1997.
Токарев 1964 – *Токарев С.А.* Проблемы типологии этнических общностей // *Вопр. философии*. 1964. № 11.
Токарев, Чебоксаров 1951 – *Токарев С.А., Чебоксаров Н.Н.* Методология этногенетических исследований на материалах этнографии в свете работ И.В. Сталина по вопросам языкознания // *Сов. этнография*. 1951. № 9.
Чешко 1994 – *Чешко С.В.* Человек и этничность // ЭО. 1994. № 6.
Широкогоров 1923 – *Широкогоров С.М.* Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. (Изв. Восточного Факультета Государственного Дальневосточного Университета. Вып. XVIII. Т. 1).
Элез 2001 – *Элез А.И.* Критика этнологии. М., 2001.

Discussion: The Origins of the Ethnos Theory: S.M. Shirokogorov and Others (guest editor: A.M. Kuznetsov)

The discussion of the *Origins of the Ethnos Theory* displays a number of interesting parallels with the discussion of theoretical heritage of Lev Gumilev in the preceding section of the journal issue. The organizing focus of this discussion is the theoretical work of Sergei Shirokogorov (alternatively spelt Shirokogoroff), a prominent Russian ethnographer (1887–1939) considered to be one of the founders of the *ethnos* concept that came to dominate Soviet ethnography in the last quarter of the twentieth century.

Shirokogorov's work was not widely known in the Soviet Union due to the fact that the scholar was an émigré, the fact that many of his writings never appeared in Russian, and the fact that most of his publications were simply not available, among others. A.M. Kuznetsov, the organizer of the discussion, offers a historical sketch of Shirokogorov's career, tracing the vicissitudes of the *ethnos* concept as developed by the scholar, and introduces the reader to major works that Shirokogorov left behind. Continuing the analysis of the scholar's theoretical heritage, V.R. Filippov explores the social-biological dimension of the *ethnos* concept that Shirokogorov propounded. Extending the analysis to a wider chronological domain, P. Skalnik traces the path taken by the *ethnos* theory in the later part of the twentieth century in Soviet ethnography, and compares it to theoretical developments in South African anthropology. Comments by F. Bertrand, W. van Meurs, S.N. Abashin, A.A. Nikishenkov, and S.A. Arutiunov supplement the discussion.